

Цѣна 20 пф.
Preis 20 Pf.

Поднятая цѣна в Германіи
1 зол. марка в мѣсяц.

Цѣна объявленій: После текста
20 пф. зол. за миллим., в текстъ 60 пф.
за миллиметр.

Рукописи без обозначенія условій очис-
тоты бесплатны. — Редакция не
обязана возвращать мелких рукописей.

Редакция газеты «Время» в Берлинѣ —
Berlin W 8, Kronenstrasse 4-5
Телефон: Merkur 4340 и 4341.

Редактор принимает ежедн. от 12—1 ч.

Пріем подлисок и объявленій в конторѣ
напечатанія Berlin W 8, Kronenstr. 4-5
Телефон: Merkur 4340 и 4341.

ВРЕМЯ

„WREMJA“

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

№ 313

Берлин, Понедѣльник 21 Іюля 1924 г.

Год изданія VI

Памяти Антона Павловича Чехова

к двадцатилѣтію со дня смерти 1904—1924 г.

БИБЛЮГРАФІЯ.

Письма А. П. Чехова к О. Л. Книппер-Чеховой. Книгоиздательство «Слово» Берлин, 1924.

С опубликованием О. Л. Книппер-Чеховой писем к ней Антона Павловича Чехова мы имеем полную переписку писателя. Это богатый вклад в русскую литературу и ценнейший материал для исследования его личности и творчества. Шесть томов писем его, выпущенных в Москве (1912—1916 г.г.) под редакцией сестры М. П. Чеховой дали рядкий образец эпистолярной литературы. В них как в зеркало отразилось настроение писателя в период расцвета сил и таланта его. Выпущенный в 1922 г. в Петрограде небольшой томик «Новых писем Чехова» на собрания Пушкинского Дома явился как бы дополнением к предыдущему выпуску. Особенность этих опубликованных писем Чехова к О. Л. Книппер-Чеховой заключается в том, что они являются как бы завершением переписки; в них отразились настроения писателя и его переживания на закате, в последние годы его жизни.

Недуг заставил писателя поселиться в Крыму. Недалеко от Ялты, в Аутке, он купил пустырь, построил дачу, развел фруктовый сад. Здесь написаны были «Три сестры», «Вишневый Сад» и другие произведения последних лет творчества Чехова. В своих письмах он все время жалуется на свое одиночество, на то, что ему мѣшают работать. Ах, какая масса сюжетов в голове — пишет он в одном из своих писем — как хочется писать, но чувствую, чего-то не хватает — в обстановке-ли, в здоровье-ли. «В Ялте бываю редко, но тянет туда, зато ялтинцы сидят у меня подолгу, так что я всякий раз падаю духом и начинаю давать себя слово опять уѣхать или жениться, чтобы жена гнала их, т.е., гостей». Но дело было, конечно, не только в ялтинских гостях — с ними бы Чехов, вероятно, справился — а в надломленности, в общей усталости, что довольно определенно выражено в следующих строчках: «Ты сердилась, что я ничего не пишу тебе о рассказах, вообще о своих писаниях. Но, душа моя, мне до такой степени надоело все это, что кажется, что и тебе и всем это уже надоело, и что ты только из деликатности говоришь об этом».

Переписка носит сугубо интимный характер и по форме изложения, и по содержанию. Чехов откровенно сообщает жене о ходе своей болезни, старается развеять сомнения, разубедить в ее разочарованности иметь детей и т. д. Но чаще всего супруги возвращаются к вопросу о своей разлуке. В одном из своих писем О. Л. Книппер писала: «Мне так мучительно думать, что я не могу быть около тебя, чтобы ухаживать, мѣнять компрессы, кормить тебя, облегчать тебе. Воображаю, как ты страдал. Даю тебе слово, что это последний год так, дорогой мой. Я сделаю все, чтобы сделать твою жизнь приятной, теплой, не одинокой, и ты увидишь, тебе будет хорошо со мной, и ты будешь писать, работать. Ты, вероятно, в душе упрекаешь в недостатке любви к тебе. Правда? Упрекаешь за то, что я не бросаю театра, за то, что я не жена тебе. Воображаю, что думает обо мне твоя мать. И она права, права». На это Чехов отвечает: «Глупая ты, душа. Ни разу за все время, пока я женат, я не упрекнул тебя за театр, а, напротив, радовался, что ты у дела, что у тебя есть, цѣль жизни, что ты не болтаешься зря, как муж...» Это немѣшало, однако, ему сильно тосковать разлукой и страдать. «Ах, как ты мне нужна! Плохо, плохо без жены!» «Видишь ты знаешь, душа, я женат». «Я уже не помню, блондинка ты или брюнетка; помню только, что когда ты у меня была женой, полусерьезно, полуплути он упрекает жену: «Ты придешь на два дня? Только? Это все равно, что Гамлету, после сорокадневной голодовки, дать только чайную ложечку молочка» и все же просил: «Приезжай, душа, поскорѣе. Я не могу без жены». Особенно тяжело было одиночество во время болезни; в это время оно приводило его в отчаяние: «И как я, если бы ты только знала, вспоминаю тебя, как жалю тебя, что тебе нѣтъ со мной, когда приходится накладывать этот громадный компресс и когда я кажусь себя одиноким и безпомощным». «Да есть ли у меня жена? — опять пропитчески пишет Чехов. Где она?» «Мне нужна жена, а не гости, душа моя». «Мне кажется, что если бы я полегал хоть половину ночи, уткнувшись носом в твое плечо, то мне полегало бы и я перестал бы хворать. Я не могу без тебя, как угодно».

Кто был виною этой разлуки, причинившей больному Чехову столько страданий, судить об этом, повидимому, не осталось еще время. В одном из писем к Книппер (еще невестѣ) Чехов писал: «Если мы теперь не вмѣстѣ, то виноваты в этом не я и не ты, а бѣс, вложивший в меня баццл, а в тебя любовь к искусству...» Однако, позже он был уже другого мѣнѣя и писал: «После того, что мною и тобой было пережито, мало

писем, надо бы продолжать жить. Мы так грустим, что не живем вмѣстѣ». Мы не имеем всех писем Чеховой к мужу, но из тех двух-трех, приведенных в книге, явствует, что это формальное объяснение разлуки «невозможность разстаться с любимым театром» носит отчасти характер притянутаго за волосы. О. Л. Книппер отлично сознавала, что это не есть основание оставить в одиночестве больного мужа. Вероятно слова мужа «мы так грустим, что не живем вмѣстѣ» она в полной мѣрѣ разделяла и чувствовала большую долю вины.

Есть в письмах и общія мѣста, касающиеся писателей, литераторов, артистов. Мелькают имена Телешева, Бальмонта, Бунина, Леонида Андреева, Максима Горького. Интересны отзывы Чехова о Тургеневѣ. «Мѣсяц в деревнѣ» ему не нравился, больше понравился «Нахлебник». Общее замѣчаніе о Тургеневѣ таково: после этого писателя останется $\frac{1}{10}$ или $\frac{1}{20}$ из того, что он написал, все же остальное через 25-35 лѣтъ уйдет в архив. Некрасова очень любил, к Толстому относился с благоговѣніем. О некоторых писателях Островскаго отзывался неодобрительно.

Больше всего в письмах упоминается Горькій. «Этот человек — писал он в одном из писем — мне весьма и весьма симпатичен, и то, что пишут о нем в газетах, даже чепуха разная, меня радует и интересует». «Если Горькій в Москвѣ, то поклонись ему. Скажи, что я жду его». Когда Горькій гостил у Чехова в Ялтѣ, он писал жене: «Горькій такой же как и был, такой же хороший, даже как будто лучше».